

И. А. Подюков

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
Пермь, Россия
podjukov@yandex.ru

Словарь похоронно-поминальной обрядности русских Прикамья как источник сведений о региональных особенностях традиции*

По мнению исследователей, традиционный похоронный обряд русских разных регионов России в целом однороден, лишен ярко выраженных локальных вариантов [Русский Север, 661], а связанный с ним лексикон (прежде всего в силу табуированности многих представленных в нем понятий) отличается «относительной бедностью вербального оснащения» [Толстая, 2008, 441]. Консерватизм обрядности, напрямую связанной с человеческой экзистенцией и высокими эмоциональными потрясениями, свидетельствует о том, что изменение отношения человека к смерти заметно лишь в исторической ретроспективе. Универсальные архаичные представления о смерти сохраняются и в позднее время, несмотря на христианское влияние, социально-культурные изменения в обществе и разрушение сакральной культуры как таковой.

На разных территориях отмечаются прямые соответствия лексики и фразеологии обрядов, связанных со смертью. Так, выражение *пора на веники* ‘о близости смерти’ известно как ярославское и пермское [СРНГ, 4, 114]; название *тайная* (*тихая, потайная*) *милостыня* ‘раскладывание под окнами, на крыльцах соседей даров в память об умершем’ известно у старообрядцев Прикамья, в русской речи Дальнего Востока, в русских старообрядческих селах Турции, Румынии, Болгарии, Грузии [Тульцева, 2002]; название пелены и льняного пояса для пеленания умершего *свивальник* (от *свивать* ‘повивать, пеленать’) отмечено у забайкальских и пермских староверов.

В то же время языковые факты позволяют увидеть неравномерность изменения отдельных сторон обрядности, особенности ее

---

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-412-590002 р_а «Похоронно-поминальная обрядность в русской традиции Северного и Южного Прикамья».

© Подюков И. А., 2019

регионального развития. Наиболее заметна локальная специфика номинаций, основанных на развертывании обрядового символизма. Так, выражения *в березку* (*в березку*) *пора* ‘о крайне старом человеке’, *на выходе в березку* ‘о готовящемся умирать’, *до березки* ‘до смерти’ основаны на образе березы, известном маркере сакрального локуса (параллелизм «смерть — береза» устойчив в разных культурах, в частности отмечен в английской символике народных баллад и шекспировских текстов [Макулина, 1987, 106]). Эти же ассоциации мотивируют архангельское выражение *на березку забираться* ‘умирать’ [АОС, 15, 91].

К трансформации обрядов и, соответственно, изменению терминосистемы могут приводить социальные процессы. Пермское название женщины, которая принимает исповедание и причащает умирающего святой «иорданской» водой, *прощальница* отмечено у часовенных староверов (г. Верещагино); обычно это функция мужчины-наставника. Обряд в нынешних условиях (если наставник далеко или его нет совсем) может выполнять хорошо знающая веру женщина из близкой умершему среды. Исчезновение института *чítальниц* и замена похоронных причитаний на тексты, восходящие к книжной традиции, мотивирует появление глагола *стихарить* (Юрла) ‘петь духовные стихи в обряде сороковин (проводов души)’.

В локальной традиции может получить особую продуктивность тот или иной способ образования обрядовых терминов. Так, разнообразны в пермских говорах наименования обрядовых реалий, созданные переходом прилагательных в разряд существительных (часто в форме ср. р., которая обеспечивает элемент обобщенности): *встречное*, *хлебное* ‘подавание первому встретившемуся похоронной процессии’, *поминальное* ‘поминальное блюдо’, *проходное* ‘повязка с церковными молитвами, которую кладут умершему в гроб’, *смёртное* ‘приготовленная для погребения сряд’, *полотенешное* ‘ткань, на которой несут гроб’ (ср. в свадебном обряде *вставальное*, *вышибальное*, *подножное*, в строительстве — *коньковое* ‘угощение при завершении строительства дома’). Определенное своеобразие локальной обрядовой терминосистеме придают редкие заимствования из языков народов, с которыми контактировали русские. Таково название поминальной каши-кутьи *уразница* (Кунгурский район Пермского края). Слово восходит не к слав. *ураз* ‘увечье, рана’, а к тюркскому названию мусульманского поста *ураза* (его держат в том числе и за умершего близкого родственника).

Несмотря на современную формализацию и редукцию обрядов похоронно-поминального круга, в них еще достаточно ощутимы архаические элементы сакральности. Пространственная закреплённость данного вида народной культуры, как и неравномерность ее развития и разрушения, проявляется в словаре, отличающемся региональными особенностями.

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980—. Вып. 1—.

Макулина Л. Т. Национально-культурный символизм в лексико-семантическом аспекте // Лексическая семантика и фразеология. Л., 1987. С. 103–110.

Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX веков / отв. ред. И. В. Власова. М., 2001.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб., 1965—. Вып. 1—.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

Тульцева Л. А. Тайная милостыня // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках : этнографические исследования и материалы / отв. ред. О. В. Кириченко, Х. В. Поплавская. М., 2002. С. 90–100.

С. А. Попов

Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия
spo@bk.ru

О лексикографическом обеспечении региональных ономастических исследований

В последнее время в российском обществе наблюдается повышенный интерес к фактам местной истории и культуры. Во многих субъектах Российской Федерации значительно увеличилось количество краеведческих исследований. Не только ученые, но и местные жители стали активнее обращаться к изучению региональных ономастических